

Семья Тарасовых в Петербурге: XVIII — начало XX века*

А. Т. Офенгейм

Знатокам истории Петербурга фамилия Тарасовых говорит о многом.

Их привезли сюда в начале 1720-х годов строить новый Парадиз, и они с честью выполнили порученное им дело, не забыв при этом, разумеется, и себя. Среди Тарасовых были плотники, столяры, резчики, корабли, строители, купцы, лекари, банкиры, военные... Город рос у них на глазах и отчасти их трудами, и они росли и богатели вместе с ним.

Петербург начал строиться, и они обживали избы на Охте. России нужен был флот, и они строили корабли. Наступил «золотой век Петербурга», и они стали паркетчиками и позолотчиками. В конце XIX века возросло значение капитала, и они оказались среди финансовой элиты города. Вместе с имперской столицей они потерпели крушение в 1917-м. Наконец, их потомки были смыты волной репрессий, обрушившейся на город после убийства С. М. Кирова.

Не будет большим преувеличением сказать, что судьба Тарасовых во многом повторяет историю Петербурга.

Упоминание о различных представителях этого рода часто встречается в петербурговедческой литературе. Конечно, в первую очередь внимательный читатель назовет книгу Д. А. Засосова и В. И. Пызина «Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев»¹, несколько глав которой ярко и образно повествуют о жизни огромного домовладения братьев Тарасовых, располагавшегося между Фонтанкой и 1-й Ротой Измайловского полка. Переиздание этой книги «Лениздатом» в 1999 году стало поводом к обстоятельному рассказу об истории известной петербургской семьи.

Начало рода Тарасовых овеяно преданием, дошедшим до нас благодаря этой книге. Один из авторов, Дмитрий Андреевич Засосов, много лет прожил в доме № 116 по набережной реки Фонтанки, некогда принадлежавшем семье моих героев. Его отец, почетный гражданин Санкт-Петербурга Андрей Иванович Засосов, служил управляющим огромного домовладения Тарасовых, включавшего дома № 114 и 116 по Фонтанке и № 3, 5, 7 и 9 по 1-й Роте Измайловского полка. Управляющий был доверенным лицом хозяев. Достаточно сказать, что бани, располагавшиеся в домах № 7 и 9, формально принадлежали А. И. Засосову². Нетрудно представить себе, как Засосов-отец вечером за обедом рассказывает своей семье о жизни «господ». Из обрывков этих рассказов, слухов, сплетен прочих жильцов дома сложились детские воспоминания, использованные Засосовым-младшим в своей книге.

Возможно, отделенные временем, эти сведения исказились и приобрели характер легенды. Материалы фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического

* В работе использованы материалы, собранные учеником 10-го класса 564-й школы, дипломантом XII историко-краеведческих чтений учащихся Санкт-Петербурга К. С. Титух.

Тарасова улица на Большой Охте.
Фото 2001 г.

Улица Егорова (бывший Тарасов пер.). Фото 2001 г.

кого архива (РГВИА), Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГА КФФД), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) позволяют уточнить данные, приводимые Д. А. Засосовым и В. И. Пызиным, частично опровергая, частично подтверждая их.

Семейное предание Тарасовых гласило: «По указу Петра I для постройки кораблей и города были вывезены государственные крестьяне, плотники из Костромской

губернии, и поселены на Охте. Некоторые из них вышли в десятники, в их числе и Тарасовы, а потом и в подрядчики и стали постепенно богаче, приобретать земельные участки в городе, в частности и по Фонтанке...»³.

Сами Тарасовы не только не отрицали своего происхождения из плотников-«переведенцев», но даже подчеркивали свою связь с Охтой: «Тарасовым принадлежала богадельня на Охте... В богадельне содержалось 100 человек: 50 стариков и 50 старух, все они были уроженцами Охты. Это должно было напоминать о том, что предки Тарасовых... были поселены Петром I на Охте»⁴. Гордиться было чем: получалось, что Тарасовы обосновались в Петербурге на 100 лет раньше самих Елисеевых, чьи предки появились в нашем городе лишь в 1813 году⁵.

Впрочем, происхождение Тарасовых из земель, вошедших при Екатерине II в состав Костромской губернии, не бесспорно. Священники Георгиевской церкви православного Георгиевского (Большеохтинского) кладбища Д. Муретов и Ф. Малиновский в книге «Описание Большеохтинского кладбища» пишут: «...между переселенцами из Архангельской и Олонецкой губерний, где, в начале прошлого (XVIII. — А. О.) века, раскол... свил себе теплое и уютное гнездо, нашлось много приверженцев старины. Поэтому на Охте, с самого начала ее заселения, явилось много раскольников, особенно беспоповцев. Некоторые из них приобрели особое значение в обществе в качестве старшин, как Окорчев и Тарасов»⁶. Таким образом, указывается другая родина Тарасовых — северная область России, Архангельская или Олонецкая губерния. Вероятно, священники опирались на разговоры прихожан. Известно, что Охта жила своим замкнутым мирком, где все всё знали друг о друге. Так что сведения, сообщаемые Муретовым и Малиновским, заслуживают ничуть не меньшего внимания, чем воспоминания Д. А. Засосова.

Петровский указ о строительстве на Охте «500 изб с сенями» датируется 21 февраля 1720 года⁷; указом от 19 января 1721 года предписывается «новопостроенные дома на Канцовской стороне отдать безденежно вольным плотникам...»; однако ни в 1721, ни в 1722 году (согласно указу от 7 марта 1722 года) не удается полностью заселить слободу⁸. Обратимся к тексту указа от 2 сентября 1723 года, хранящегося в фонде Охтинской пригородной управы ЦГИА СПб (по возможности сохранена орфография и пунктуация источника): «Указ Его Императорского Величества... сего Сентября 2 Дня... искамор коллегии (Камер-коллегии. — А. О.) вкатору партикулярной верфи написан. Вольным да обучаным Судовой работе плотникам которые в подрядной канторе записаны в 722 и в нынешнем 723 годах сту двадцати четырем [человекам] против имянного Его Величества ноября 4 дня 721 году указу выдано на [ссуду] Денег по два рубля исподрядной канторы да правиванта ржи потри четверти насемью исприван[т]ской канцелярии [...]. А в канторе партикулярной верфи оных плотников перепоручить добрыми поруками аежели посторонних порук небудет перепоручить их круглой порукой дабы изних бегу также денежной казне напрасной траты небыло... а кто [именно] плотники и жены их и что приних мужеска и женска полу детей и в каковые кто лета тому при сем указе реэстр...»⁹.

В этом-то «реэстре» — первом списке охтян, сохранившемся в слободской канторе, — обнаруживается «Юрьева монастыря деревни Шубина крестьянин Иван Тарасов 28 [лет] у него жена Аграфена Варламова дочь 27 [лет] есть»¹⁰. 15 ноября 1723 года в кантору Партикулярной верфи был отправлен повторный список переведенцев, в ко-

тором записано: «Оный Тарасов при смотре сказал жена ево Аграфена живет во оной деревне»¹¹.

В числе населенных вотчин Юрьева новгородского первоклассного монастыря действительно имеется «Курский погост, с Ляховицкой волостью, отстоящей от монастыря на 95 верст»¹², включавшей 59 сел и деревень, в том числе и Шубину. Волость располагалась в так называемой Деревской пятине, лежавшей на юго-востоке от Новгорода, между озером Ильмень и реками Мстой и Ловатью.

Других Тарасовых среди переселенных петровскими указами на Охту нет. И если семейное предание — не выдумка, то Тарасовы ведут свой род от Ивана из Шубиной деревни.

Проследить судьбу Тарасовых в XVIII веке удается лишь фрагментарно. Так, в числе 62 «добрых и плотничной работе зело обучанных» охтинских плотников, посланных в апреле 1753 года «в канцелярию Спб строения коисправлению по имянным Ея Императорского Величества Высочайшим указам водворцах плотничных работ»¹³, находим Акинфея Тарасова (может быть, именно так и началась карьера Тарасовых как подрядчиков, выполнявших заказы Двора?). А в мае того же года в составе 140 «лутчих и в работе знающих» охтян в кантору Партикулярной верфи «для исправления яхты... за имеющимися в них гниlostями» направлен Ларион Тарасов¹⁴.

История семьи прослеживается полностью от Степана Ларионовича (Илларионовича) Тарасова. Родился он в последней трети XVIII века. Жил на Охте, содержал в своем доме столярную мастерскую, занимался подрядами, избирался старшиной общества охтинских поселян. Одна из улиц Большой Охты по сей день называется Тарасовой.

В очерке Б. П. Мансурова «Охтенские адмиралтейские селения» о Степане Тарасове можно прочесть следующее: «...его обвиняли в разных неправильных и противозаконных поступках во время бытности старшиною, и постоянных происках к угнетению неимущих и безгласных поселян...»¹⁵. Священники Муретов и Малиновский также отмечают: «Деятельность Степана Илларионовича Тарасова как старшины вызывала неудовольствия и даже формальные жалобы, что, в те блаженные времена, весьма много значило со стороны охтян»¹⁶.

Большая Охта в 1912 г. Фрагмент карты «Храмы Санкт-Петербурга: 1912 г.» (СПб., 1994)

На Тарасове лежала, с точки зрения православных священников, особая «вина»: «...в религиозном отношении Тарасов играл еще большую роль [...] Как ретивый миссионер раскола, он действовал энергично не только на Охте, но и в других местностях России, приправляя свою миссию делами милосердия на чужой счет. Выпросив, под видом благочестия, у [...] добродетельных лиц разные жертвования, он раздавал их нуждающимся охтянам, которые, вследствие сего, должны были считать себя обязанными слушать его учения. Под его протекцией развилось и процвело на левом берегу Охты раскольническое кладбище с часовней. Нева, близ его дома, изображала купель для перекрещивания прозелитов раскола»¹⁷.

Каковы все-таки были личные качества С. И. Тарасова? Очень сложно описать характер человека, жившего 200 лет назад. Но можно попытаться.

В ЦГИА СПб хранится дело «О жестоком обращении с мальчиком Лисенковым, находившимся в работниках у посел[янина] Тарасова»¹⁸. Там рассказывается, как в апреле 1837 года Степан избил и выгнал из дома в одной рубашке, босым 14-летнего работника Ивана Лисенкова «за то, что он в Воскресенье ходил в Церковь и не согласился вступить в раскол». Тарасов выглядит властным, вспыльчивым, скорым на расправу. Характерно, что под суд всеильный старшина не пошел: дело замяли. А вот еще один документ — дело «О старшинах Алексее Михайлове, Степане Тарасове и Иване Иконникове»¹⁹. Трое поселян в 1823 году подали жалобу во Флотскую комиссию Военного суда по поводу присвоения старшинами «зарабочих денег». Если это правда, то Тарасов предстает человеком алчным, готовым урвать, где только можно. (Степан, кстати, и тут вывернулся: суд обвинил не старшин, а поселян — за то, что жаловались, минуя непосредственное начальство, и передал их суду общества, то есть тех же старшин.) Третье дело — «О поселянах Степане Тарасове и Василии Меринове как имеют тяжбу в месте земли»²⁰ — сохранило примечательную характеристику Тарасова Мериновым: «сосед мой... своевољством своим известный всем почти жителям Охты...». Конечно, когда люди судятся, они не говорят друг другу комплименты, но похоже, что Муретов и Малиновский правы — у охтян были причины жаловаться на С. И. Тарасова.

На ком и сколько раз был женат Степан Тарасов — неизвестно. Детей у него было семеро: Федор (1791(2) 1850), Андрей (1793—1851), Семен (1795(6)—?), Николай (1800—1869), Мария (1802—?), Иван (1803—1872), Арефий (1810(11)—?)²¹.

Несмотря на значительное состояние, в купечество Степан Илларионович вышел только 4 сентября 1845 года²², находясь уже в преклонном возрасте.

Именно С. И. Тарасов в 40-х гг. XIX в. приобрел участок на левом берегу реки Фонтанки, занимаемый ныне домами № 114 и № 116, описанными в книге Д. А. Засосова и В. И. Пызина. В 1846 году он продал домовладение Татьяне Васильевне, жене своего четвертого сына Николая²³, и переселился к ним на постоянное местожительство. Скончался не ранее 1848 года.

Дети Степана Илларионовича пошли по стопам отца. Они плотничали и столярничали, работая в отцовской мастерской на Охте, причем были мастерами высокого класса. Например, старший, Федор, в 1826 году «по распоряжению Госп[одина] Верховн[ого] Маршала Коронации вытребован был... в Москву, для зажигания иллюминации в продолжение празднеств Священного Коронавания (Ни-

колая I. — А. О.) и возложенные на него должности выполнял с усердием и вел себя добропорядочно, за что и удостоен Серебряной медалью для ношения на шею на Анненской ленте»²⁴. А Семену Тарасову было дозволено «именоваться столярных, паркетных и позолотных дел мастером двора Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны»²⁵.

Ю. М. Овсянников в книге «Великие зодчие Санкт-Петербурга» упоминает, что паркет в Михайловском дворце поручено было выполнить Степану Тарасову, «у которого золотые руки»²⁶. Там же сообщается, что модель дворца, предназначенную английскому королю Георгу IV, приказано было делать «мастеру на все руки Николаю Тарасову», а сопровождать ее в Англию — Ивану Тарасову. «Ивана приняли в Сент-Джеймском дворце и торжественно наградили «золотой медалью на голубой ленте. Но, увы, облегчения в жизни эта медаль семейству Тарасовых не принесла»²⁷. Ну, не такая уж тяжелая у Тарасовых была жизнь: Иван и Николай вышли в купечество, первый — в 1822 году, второй — в 1823 году²⁸. Разбогатев на подрядах, они приобрели в городе недвижимость и стали со временем крупными домовладельцами.

Младший же сын Степана Илларионовича, Арефий, был, по-видимому, в семье «паршивой овцой», дважды попав под арест и следствие: в 1834 году — «за разбитие в трех казенных фонарях в ночное время стекол» в компании семи подвыпивших приятелей²⁹, и в 1846 году — за то, что едва не задавил насмерть шестилетнего мальчика. Во втором случае вина Арефия была доказана: «Комиссия Воен[ного] Суда... находит подсудимого охт[енского] пос[елянина] Арефия Тарасова... виновным в причинении в нетрезвом виде Кресть[янского] мальчику Гр[афа] Шереметева³⁰ Николаю Никифорову значительных телесных повреждений при наезде на него лошадей, запряженной в санях, коего сбил с ног и тащил под санями около 50 сажень почему он, Тарасов, был тогда предведомляем посторонними людьми, что мальчик находится у него под санями но он не обращая на то внимания погонял лошадь и когда б[ыл] остановлен Гор[одскими] стражниками то вынув из-под своих саней означенного мальчика... бросил его в онаыя вниз головой а потому за таковой поступок приговорила: ...его Тарасова наказать розгами тремястами ударами, а лошадь... отобрать и отдать в Артиллерийское ведомство»³¹. Был ли суровый приговор приведен в исполнение — неизвестно, но вряд ли, так как в 1851 году обнаруживаем Арефия не только живым, но и женатым во второй раз, причем супруга была моложе его на 20 лет³².

Нас же более интересует судьба Николая Степановича Тарасова и его потомков: именно этой ветви семьи служил отец Дмитрия Андреевича Засосова.

Не позднее 1826 года Николай женился на Татьяне Васильевне (1803—1869), девичья фамилия которой неизвестна. От этого брака у них было трое детей: Алексей (1827—1867), Анастасия (?—до 1847), в замужестве Кирпичева³³, и Федосья (1829—1894), скончавшаяся женой генерал-лейтенанта Павла Степановича Юнеева³⁴.

По свидетельству Санкт-Петербургской городской думы, с 1823 года по 1834 год Николай был купцом третьей гильдии, с 1834 года по 1838 год — второй гильдии, в 1838 году вступил в первую гильдию³⁵. Пробыв в ней непрерывно 8 лет, в 1846 году получил право претендовать на причисление к сословию потомственных почетных граждан, в которое и был возведен в 1847 году³⁶.

Как уже было сказано, в 1846 году Николай Степанович приобретает на имя жены участок своего отца в Нарвской части, ставший «родовым гнездом» этой ветви семьи. Купчая крепость была совершена Санкт-Петербургской палатой Гражданского суда 5 сентября 1846 года. Владение Тарасовых простиралось до 1-й Роты Измайловского полка (ныне 1-й Красноармейской ул.). По табели 1822 года оно числилось в 1 квартале Нарвской части под номерами 2 и 3; по распределению номеров 1834 года — под № 103 по Фонтанке и № 4 по 1-й Роте; по табели 1846 года — № 102 по Фонтанке и № 3–5 по 1-й Роте. Татьяна Васильевна была неграмотной, всем имуществом управлял сам Николай.

В 1849 году архитектор Г. Э. Боссе строит для Тарасовых на Фонтанке 4-этажный каменный дом (современный адрес — наб. р. Фонтанки, д. 116)³⁷. В 1858–1859 годах архитекторы К. К. Андерсон, А. И. Ланге и Р. И. Кузьмин возводят огромный доходный дом по южной границе участка (сегодня это д. 3–5 по 1-й Красноармейской ул.)³⁸. К 1870 году в Нарвской части у Н. С. Тарасова было уже три каменных дома — по Фонтанке, 1-й Роте и Обводному каналу (современный адрес — наб. Обводного канала, д. 123–125 / ул. Егорова, д. 25)³⁹.

Переулок в Измайловских Ротах, проложенный в 1871 году Городской управой параллельно Царскосельскому (Московскому) проспекту, соединил владения Тарасовых в 1-й Роте и на Обводном канале и был назван Тарасовским (или Тарасовым)⁴⁰. Редкий случай в городской топонимике: простой обывательской семье выпала честь дать свое имя двум городским проездам!

Сборник «Статистические сведения о фабриках и заводах в СПб за 1862 г.» сообщает, что в доме Тарасова на Фонтанке размещалось «Паркетное заведение Н. Тарасова», где работало 20 мужчин и пять мальчиков, из которых грамотных было только трое. В 1862 году заведение произвело продукции на 15 000 руб. Видимо, это был последний год существования заведения, поскольку с 1863 года в списке фабрик и заводов Нарвской части оно не упоминалось. Это подтверждает слова Д. А. Засосова о паркетной фабрике Тарасовых.

В 1850 году Н. С. Тарасов основал Анастасиевскую богадельню* в память своей рано скончавшейся дочери Анастасии, размещавшуюся в двухэтажном здании близ Большеохтинского единоверческого кладбища, пожертвовав 125 тысяч руб.⁴¹ Возможно, именно за это богоугодное дело Тарасов был удостоен звания коммерции советника.

В 1867 году Николая Степановича и Татьяну Васильевну постигло большое горе. 10 апреля, всего 40 лет от роду, скончался их единственный сын Алексей⁴². В память о нем при Анастасиевской богадельне Тарасовых по проекту академика архитектуры И. В. Штрёма была построена церковь преподобного Алексия, человека Божия⁴³. Под алтарем церкви находился склеп семьи Тарасовых.

Через два года после смерти сына — 5 апреля 1869 года — умерла Татьяна Васильевна, а еще через год — сам Николай Степанович. Он скончался 24 августа 1870 года и был похоронен рядом с женой в усыпальнице Тарасовых⁴⁴.

Церковь преподобного Алексия, человека Божия, была закрыта в 1923 году и снесена, могилы семьи Тарасовых уничтожены. Здание богадельни частично сохра-

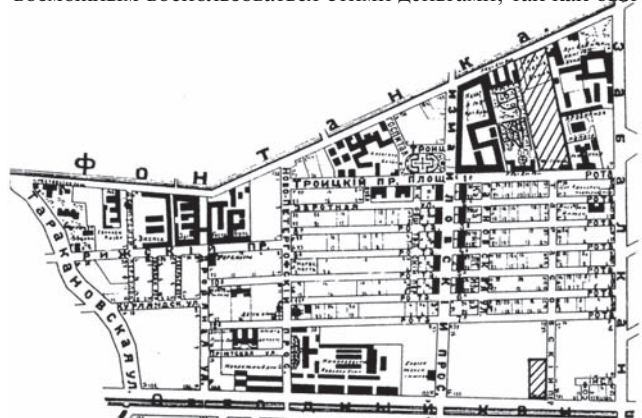
Дом Тарасовых. 1-я Красноармейская ул., д. 3–5. (Арх. К. К. Андерсон, А. И. Ланге и Р. И. Кузьмин, 1858–1859). Фото 1998 г.

нилось. Это уродливое строение является собственностью Комбината химико-пищевой ароматики, числясь под № 13 по Партизанской улице.

Наследниками Н. С. и Т. В. Тарасовых стали внуки — Николай, Алексей и Сергей Алексеевичи. Однако о сыне, Алексее Николаевиче, надо сказать особо.

6 февраля 1849 года Алексей Тарасов обвенчался с Елизаветой Григорьевной, дочерью Григория Петровича Елисеева и его первой жены Анны Ивановны⁴⁵. Совместная жизнь их была очень короткой: Елизавета умерла через семь месяцев после свадьбы, 7 сентября 1849 года. По примеру Анастасиевской богадельни Тарасовых Елисеевы увековечили память дочери, основав Елисаветинскую богадельню на 3-й линии Васильевского острова, д. 30. Обязанности эконома принял на себя Алексей Тарасов. Даже женившись вторично, он исполнял эту должность до своей смерти 10 апреля 1867 года.

История эта в воспоминаниях Д. А. Засосова и В. И. Пызина искажилась до неузнаваемости. Они пишут: «Дед Тарасовых (Николая и Сергея Алексеевичей, у которых служил А. И. Засосов. — А. О.) женился на дочери богатого купца, красавице Анастасии, и получил в приданое миллион. Через месяц после свадьбы молодая жена умерла. Тогда ее муж по своей купеческой спеси сделал гордый выпад, который поразил всех толстосумов: возвратил этот миллион отцу покойной жены, заявив, что он не считает возможным воспользоваться этими деньгами, так как был

Фрагмент плана Нарвской части С.-Петербурга. («Весь Петербург на 1913 г.»). Заштрихованные участки принадлежали Н. А. и С. А. Тарасовым

* История основания Анастасиевской богадельни имеет почти детективный сюжет и, безусловно, будет любопытна читателю как пример человеческих отношений середины позапрошлого столетия. Возможно, читателя «Истории Петербурга» ждет отдельный рассказ об Анастасиевской богадельне Тарасовых.

Анастасиевская богадельня Тарасовых сегодня.
Партизанская ул., 13. Фото 2001 г.

женат всего один месяц. Папаша умершей, такой же “гордый” купец, не принял этого миллиона, сказав, что наследником после умершей жены является Тарасов и что чужих денег [он] не берет. Так они перекидывали этот миллион несколько раз. Наконец вдовец нашел выход, который мог удовлетворить обе стороны, не задевая их самолюбия; он сказал строптивому тестю: “Деньги пойдут ни мне, ни тебе, а богу”, построил богадельню на Охте и положил капитал на ее содержание. Эту богадельню он назвал в честь своей любимой безвременно умершей жены Анастасиинской»⁴⁶.

Не дед, а отец; не на Анастасии, а на Елизавете; не через месяц, а через семь месяцев; не на Охте, а на Васильевском острове! Здесь явно смешаны две истории — об основании дедом Николая и Сергея Алексеевичей, Николаем Степановичем Тарасовым, Анастасиевской богадельни и об увековечении памяти Елизаветы Григорьевны Тарасовой, первой жены их отца, Алексея Николаевича, постройкой Елисаветинской богадельни. А может, этот спор произошел между Николаем Степановичем и его зятем Кирпичевым?

Самый же интересный вопрос: верна ли история о миллионном приданом — похоже, останется без ответа.

Вторую жену А. Н. Тарасова звали Екатерина Васильевна. Имена их детей указаны в завещании бабушки, Татьяны Васильевны⁴⁷. По этому документу, все недвижимое имущество переходило к внукам, Николаю (1853—?), Алексею (1854—1910) и Сергею (1857—?). Внуки Серафима (1863—1895), Ольга (?), Екатерина (?) и Татьяна (1865—1872) получали каждая по достижении совершеннолетия по 50 тысяч руб.

Алексей стал лекарем. В Российском государственном военно-историческом архиве имеется копия диплома А. А. Тарасова об окончании Императорской медико-хирургической академии (Военно-медицинской академии) от 2 мая 1878 года⁴⁸. Алексей Алексеевич исполнял обязанности врача Анастасиевской богадельни. В управлении тарасовским домовладением участия не принимал — в 1884 году между братьями произошел раздел имущества⁴⁹, недвижимость осталась в руках Николая и Сергея, Алексей же получил свою долю деньгами. Позднее он приобрел дом № 30 по Забалканскому пр. (ныне Московский пр.), выходящий также на Бронницкую ул., № 5, — в Московской полицейской части, и дом № 119 по наб. реки Фонтанки — в Спасской части⁵⁰. Возможно, поэтому-то Д. А. Засосов не упоминает об А. А. Тарасове.

Наконец-то мы добрались до братьев Тарасовых, описанных в книге Д. А. Засосова и В. И. Пызина! Старший, Николай Алексеевич, родился в Санкт-Петербурге 2 июля 1853 года⁵¹. Потомственный почетный гражданин. Среднее образование получил в Главном немецком училище евангелической церкви Св. Петра, где учился с 1862 по 1870 год. Аттестат Тарасова гласит, что «при весьма хорошем поведении и похвальном прилежании оказал успехи хорошие». В 1876 году окончил Институт инженеров путей сообщения со званием гражданского инженера и правом на чин коллежского секретаря при вступлении в государственную службу. 22 июня 1876 года определен на службу в Министерство путей сообщения сверхштатным инженером без содержания. 4 ноября 1876 года утвержден в чине коллежского секретаря. 8 ноября 1879 года произведен в титулярные советники. С 19 октября 1881 года — коллежский асессор, с 3 декабря 1885 года — надворный советник, с 14 декабря 1889 года — коллежский советник, с 24 февраля 1894 года — статский советник. Служил в техническо-инспекторском комитете МПС, исполнял обязанности участкового инспектора Николаевской, Новоторжковской и Боровичской железных дорог, заведовал инспекцией Сестрорецкой железной дороги. Кавалер орденов Св. Владимира 4-й и 3-й ст., Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2-й ст. 5 ноября 1904 года уволен от службы «с мундиром» согласно собственному прошению по болезни. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 27 декабря 1904 года «произведен в действительные статские советники в отставку». Рассказ Д. А. Засосова об участии Н. А. Тарасова в строительстве Архангелогородского шоссе не находит подтверждения.

Торжественное заседание в день 50-летнего юбилея
Петербургского городского кредитного общества.
5 апреля 1911 г. Фото К. Буллы.

На фрагменте — председатель правления ГКО
действительный статский советник Н. А. Тарасов

Какая же болезнь послужила причиной отставки Н. Тарасова от службы? В 1883 году он не вернулся вовремя на службу из отпуска, проведенного на водах. В РГИА сохранился следующий документ: «Биарриц, 12 октября 1883 г. [...] Дано сие свидетельство Г. Инж. Кол. Ас. Н. А. Тарасову в том, что он страдает седалищною невралгией в обеих ногах (Ichiass duplex), сопровождаемую симптомами поражения центральной нервной системы (Neurastenia cerebri et spinalis), и что для излечения упомянутой болезни ему необходимо продолжить назначенное ему лечение и пребывание на берегу моря в Биаррице

Товарищ Санкт-Петербургского городского головы
С. А. Тарасов. Фото 1903 г.

[...] Д-р медицины Алексей Любимов»⁵². Подтверждаются воспоминания Д. А. Засосова: «Ежегодно бывая за границей еще молодым человеком, он [Тарасов] заболел сухой спинного мозга. Эта страшная болезнь изуродовала его фигуру: ходил он сильно наклонившись вперед»⁵³.

С 1885 года Николай Алексеевич вошел в состав правления Санкт-Петербургского городского кредитного общества (ГКО)⁵⁴, с 1896 года до начала 1918 года бессменно занимал должность председателя правления ГКО⁵⁵, распорядившись судьбой значительной части недвижимости в городе.

В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов хранится негатив снимка, сделанного во время торжественного заседания в Петербургском городском кредитном обществе 5 апреля 1911 года, посвященного 50-летию юбилею общества⁵⁶. На центральном месте за столом президиума сидит худощавый человек с подкрученными усами. Известно, что к 1911 году пост председателя правления ГКО уже 15 лет занимал Н. А. Тарасов. Кому, как не ему, было председательствовать в столь торжественный день! Похоже, перед нами — единственное известное на сей день изображение Николая Алексеевича Тарасова.

Младший из братьев Тарасовых, Сергей Алексеевич, родился в 1858 году. Учился в Николаевском кавалерийском училище (его имя присутствует в списках 51-го выпуска 1878 года)⁵⁷. С. Тарасов был выпущен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, 2 августа 1886 года уволен в отставку в чине штабс-ротмистра⁵⁸. По воспоминаниям Д. А. Засосова, на учениях Сергей упал с коня и повредил себе спину.

Гласным Городской думы состоял с 1889 года, а с 1898 года занимал должность товарища Санкт-Петербургского городского головы. Будучи гласным, принимал участие в работе комиссии по народному образованию, финансовой комиссии и комиссии по составлению списков присяж-

ных заседателей. Состоял членом от города в попечительстве приюта-колонии в память Императора Александра III, депутатом по наблюдению за городскими стипендиями имени великого князя Константина Николаевича в школе садоводства и огородничества. Также был заместителем городского головы в губернском по квартирному налогу присутствии, представителем от города в правительственной комиссии по вопросу о тяге на приладожских каналах и заместителем председателя в комиссии о Северных железных и водных путях и торговле Петербургского порта. В должности товарища городского головы С. А. Тарасов много потрудился в делах городского управления по проведению железной дороги Петербург — Вологда — Вятка, по устройству городского ломбарда и городской типографии⁵⁹.

А. Д. Бочагов в альбоме «Петербургская дума в биографиях ее представителей. 1904—1910» добавлял, что на пост товарища городского головы в 1904 году С. А. Тарасов был выбран почти единогласно, что он нередко замещал городского голову в присутствии управы в качестве председателя, что под его началом находились регистратура, юрисконсультский стол, контроль делопроизводства при управы и общее заведование канцелярией управы. «Такой массой обязанностей по служебному долгу только и можно объяснить, что С. А. Тарасов приходит в Думу первым, а уходит почти последним», — писал А. Д. Бочагов⁶⁰. В его альбоме помещены также характеристики членов Городской думы на основе «психографологического» изучения почерка. Относительно С. А. Тарасова сказано следующее: «Простая, искренняя натура. Дружелюбное отношение к окружающим. Сильная потребность к деятельности. Природный ум. В материальной жизни — осторожность, но без жадности. Почерк обнаруживает выгодные способности к организации дела. Умение выдержать кризис, настаивать и поставить на своем. Изворотливость ума, тщеславный, любит показать себя».

Братья были не чужды благотворительности. Состояли в Императорском человеколюбивом обществе на должности сотрудника попечителя Приюта Господа Нашего Иисуса Христа в память отрока Василия, председательствовали в Хозяйственно-техническом комитете Императорского человеколюбивого общества. В 1915—1916 годах старший был помощником попечителя Николаевской городской детской больницы (Большая Подьяческая ул., 30).

В январе 1918 года Н. А. и С. А. Тарасовы еще были в Петрограде⁶¹. В дальнейшем их следы теряются. Д. А. Засосов и В. И. Пызин пишут, что у Сергея Александровича была дочь, но судьба ее неизвестна. Николай Алексеевич потомства не оставил. У Алексея Алексеевича было трое детей: дочери Валентина и Людмила и сын Владимир⁶². Людмила Алексеевна (1884—?) стала женой Александра Владимировича Юргенса (1876—1935), начальника станции Царского павильона I железной дороги в Царском Селе (1911), с 1916 года — полковника.

17 марта 1935 года при проведении органами УНКВД Ленинградской области операции «бывшие люди» А. В. Юргенс был арестован и 29 марта 1935 года Особым совещанием при НКВД СССР, как социально опасный элемент, вместе с семьей (женой, дочерью Ириной (1905 г. р.), сыновьями Никитой (1906 г. р.) и Андреем (1912 г. р.) лишен права проживания в 15 населенных пунктах без указания срока. 26 марта 1935 года Юргенс прибыл с семьей к месту проживания в г. Выкса Горьковского края. Особым совещанием при НКВД СССР от 2 апреля

1936 года ссылка Ирине и Андрею Юргенс была отменена. А. В. Юргенс умер в ссылке в январе 1939 года. Л. А. Юргенс от ссылки освобождена постановлением Особого совещания при МВД СССР от 2 июля 1946 года⁶³.

Дальнейшая их судьба не установлена. Быть может, кто-либо из них жив и сочтет для себя возможным откликнуться на эту публикацию?

Сегодня дома «империи Тарасовых» обветшали; корпуса по Фонтанке и 1-й Красноармейской ул. еще относятся к жилому фонду, а корпуса в глубине участка предназначены на слом. Хочется, однако, верить, что потомки многочисленного рода Тарасовых, на протяжении трех столетий бывшего свидетелем жизни нашего города, здравствуют и по сей день.

- ¹ Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л., 1991; Изд. 2-е, доп. 1999. Ссылки даются по первому изданию.
- ² Богданов И. А. Три века Петербургской бани. СПб., 2000. С. 133.
- ³ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 47.
- ⁴ Там же. С. 60–61.
- ⁵ Краско А. В. Дома купцов Елисеевых. СПб., 1997. С. 16.
- ⁶ Муретов Д., Малиновский Ф. Описание Большеохтинского кладбища. СПб., 1883. С. 17–18.
- ⁷ Там же. С. 3.
- ⁸ Там же. С. 4.
- ⁹ ЦГИА СПб. Ф. 391 (Охтенская пригородная управа). Оп. 1. Д. 3 «О записке из вольных людей в вольные плотники с имянным списком». Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Л. 5 (об).
- ¹¹ Там же. Л. 30 (об).
- ¹² Юрьев новгородский первоклассный монастырь: История и его описание / Сост. иеромонах Валентин (Ключарев). Новгород, 1893. С. 43–49.
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 121 «О выборе в мирские должности и о распоряжениях вообще по управлению охтенскими поселянами». Л. 33–34.
- ¹⁴ Там же. Л. 36, 36 (об).
- ¹⁵ Мансуров Б. П. Охтенские Адмиралтейские селения. СПб., 1856. С. 112–113 1-й паг.
- ¹⁶ Муретов Д., Малиновский Ф. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 910. «О жестоком обращении с мальчиком Лисенковым, находившемся в работниках у поселянина Тарасова».
- ¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 292. «О старшинах Алексее Михайлове, Степане Тарасове и Иване Иконникове».
- ²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 348 а. «Дело о поселянах Степане Тарасове и Меринове как имеют тяжбу в месте земли».
- ²¹ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1036. «О доставлении сведений, не был ли в штрафах и под судом охтенский поселянин Арефий Тарасов». Л. 4–5. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1137. «О доставлении в Кораблестроительный Департамент списка семейств охтенского поселянина Семена Тарасова». Л. 4. Петербургский некрополь / Сост. Саитов В. И. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.
- ²² Там же.
- ²³ ЦГИА СПб. Ф. 515 (Городское кредитное общество). Оп. 1. Д. 1835. «Дело правления С.-Пб гор. кредитного общества по залогу имущества гг. Тарасовых». Л. 1–2.
- ²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 482. «О награде Охтенского поселянина Федора Тарасова Серебряной Медалью». Л. 2.
- ²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1181. «О дозволении Поселянину Семену Тарасову именоваться столярных, паркетных и позолотных дел мастером двора Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елены Павловны».
- ²⁶ Овсянников Ю. Великие зодчие Санкт-Петербурга: Трезини, Растрелли, Росси. СПб., 1996. С. 464.
- ²⁷ Там же. С. 467–468.
- ²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1137. Л. 4; Справочная книга о лицах, получивших на 1865 г. купеческие свидетельства 1-й и 2-й гильдии. СПб., 1865. С. 348.
- ²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 830. «О взятых в ночное время [в] полицию поселян Аревыя Тарасова и Василия Деметьева Максимова [за] разбитие фонарей Охтенской части».
- ³⁰ ШЕРЕМЕТЕВ Дмитрий Николаевич (1803–871), граф, флигель-адъютант Николая I, гофмейстер, попечитель московского Странноприимного дома Шереметевых.
- ³¹ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1036. Л. 30, 32, 35 (об), 36.
- ³² Там же. Д. 1137. Л. 4.
- ³³ Краско А. В. Указ. соч. С. 32.
- ³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1835. Л. 81–88. Петербургский некрополь / Сост. Саитов В. И. Т. 1–4. СПб., 1912–1913.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4747. «Правительствующего Сената герольдии дело по прошению С. Петербургского 1 гильдии купца Тарасова о возведении его в потомственное почетное гражданство». Л. 9, 9 (об.).
- ³⁶ Там же. Л. 16 (об.) – 17.
- ³⁷ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века: Справочник. СПб., 1996.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1870 г. купеческие свидетельства 1-й и 2-й гильдии. СПб., 1870.
- ⁴⁰ С 1921 г. – ул. Егорова. Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика: [Справочник-путеводитель] / Авт.-сост. С. В. Алексеева и др. СПб., 1997. С. 44.
- ⁴¹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: Ист.-церков. энциклопедия в трех томах. СПб., 1996. Т. 3. С. 195.
- ⁴² Петербургский некрополь.
- ⁴³ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч.
- ⁴⁴ Петербургский некрополь.
- ⁴⁵ Краско А. В. Указ. соч. С. 30–34.
- ⁴⁶ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 60.
- ⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1835. Л. 81–88.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 316 (Военно-медицинская академия). Оп. 69. Д. 115. «Копии дипломов лекарей и ветеринаров в [18]78 г.» Л. 201.
- ⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1835. Л. 118.
- ⁵⁰ Там же. Д. 3768а. Л. 54; Д. 1845. Л. 221.
- ⁵¹ Здесь и далее сведения даются по: РГИА. Ф. 229 (Канцелярия министра путей сообщения). Оп. 10. Д. 2894 «О службе инженера Николая А. Тарасова».
- ⁵² Там же. Л. 68.
- ⁵³ Засосов Д. А., Пызин В. И. Указ. соч. С. 48.
- ⁵⁴ Шустов А. С. Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. СПб., 1903.
- ⁵⁵ Весь Петербург на... (1896–1914) год. Адресно-справочная книга. СПб., [1896–1914]; Весь Петроград на (1915–1917, 1922) год. СПб., [1915–1917, 1922].
- ⁵⁶ ЦГА КФФД. Е 8430. 5 апреля 1911 г. Петроградское городское кредитное общество «Торжественное заседание в день 50-летнего юбилея общества».
- Фотограф К. Булла.
- ⁵⁷ Шкотт П. П. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1898. СПб., 1898.
- ⁵⁸ Высочайшие приказы о военных чинах за 1885, 1886 гг. СПб., 1885–1886.
- ⁵⁹ Тимофеев А. В. Петербургская городская дума: Альбом господ гласных. СПб., 1903.
- ⁶⁰ Бочагов А. Д. Петербургская дума в биографиях ее представителей. 1904–1910. СПб., 1904. С. 11.
- ⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9175.
- ⁶² Там же. Д. 3768а «Дело правления С.-Пб гор. кредитного о-ва по залогу имущества жены Гв. капитана Х. Г. Байер». Л. 288.
- ⁶³ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивная справка № 10/14-2151н/с от 14.11.2001 о наличии сведений в отношении семьи Юргенс.